

Волшебная сказка – Диккенс Ч. Сказка про принцессу Алиссию.

Сказка про принцессу Алиссию, у которой было восемнадцать младших братьев и сестер. Ее родители: король и королева были очень бедные и много работали. Однажды добрая фея подарила Алиссии волшебную косточку, которая могла выполнить одно желание.

Жили однажды король с королевой, и король был самый геройский из всех мужчин, а королева была самой красивой из женщин. Король зарабатывал тем, что служил в правлении. А королева была из деревни, её отец был сельский доктор.

Детей у них всё прибывало, и было их девятнадцать. Семнадцать из них присматривали за малышом, а самая старшая, Алисия, присматривала за всеми. Малышу было семь месяцев, а ей, самой старшей, семь лет.

И слушайте, какая приключилась история.

Как-то раз по дороге в правление король зашёл к рыбнику, заплатил за полтора фунта сёмги, выбрал кусочек подалше от хвоста, как наказала ему королева (которая была хозяйка опытная и бережливая), и поручил отнести покупку на дом. «Разумеется, сэр! А больше ничего не надо? С добрым утром вас», – сказал рыбник, мистер Пикклз.

И пошёл себе король в правление в очень унылом настроении, потому что до дня полочки было ещё далеко-далеко, а несколько из его дорогих детей вот-вот должны были вырасти из своих одёжек. Но не успел он пройти двух шагов, как его догнал мальчишка на посылках из лавки мистера Пикклза и сказал:

– Сэр, вы не заметили у нас в магазине одной пожилой дамы?

– Какой пожилой дамы? – удивился король. – Никакой пожилой дамы я там не видел.

Король её не видел, потому что для него она была невидимка, а мальчишка её видел. Наверное, чтобы он не так плескался и брызгался, и не испортил ей платье, когда ополаскивал в садке двух камбал, она сделалась для него видимой.

Тут подоспела и сама пожилая дама. Она была одета в богатейшие переливчатые шелка и благоухала сухой лавандой.

– Вы король Уоткинс Первый, я полагаю? – спросила пожилая дама.

– Да, меня зовут Уоткинс, – ответил король.

– И вы отец прекрасной принцессы Алисии, если не ошибаюсь? – спросила пожилая дама.

– И восемнадцати других прелестных деток, – ответил король.

– И вы сейчас идёте в правление, как я понимаю, – сказала пожилая дама.

Тут король подумал, что перед ним, должно быть, фея, а то как же иначе она могла бы обо всём об этом знать! И не успел он так подумать, как пожилая дама сказала:

– Вы правы. Я добрая Великая фея Синемора. Слушайте меня внимательно. Когда вы вернётесь домой обедать, учтиво пригласите принцессу Алисию отведать сёмги, которую только что купили.

– А вдруг ей это вредно, – сказал король.

Пожилую даму так рассердила эта смехотворная мысль, что король очень испугался и покорнейше попросил прощения.

– То вредно, сё вредно – только и слышишь, как об этом рассуждают! – сказала пожилая дама презрительней некуда. – А по-моему, вы просто сами хотите всё съесть. Нехорошо жадничать.

Король, потупясь, выслушал этот попрек и сказал, что никогда больше не будет об этом рассуждать.

– Впредь ведите себя как следует, – сказала Великая фея Синемора, – и так не поступайте. Когда прекрасная принцесса Алисия изволит отведать сёмги – а мне думается, она изволит, – вы обнаружите, что у неё на тарелке осталась косточка. Скажите ей, чтобы она сушила, чистила и тёрла эту косточку, пока та не заблестит, как перламутр. И пусть она бережёт косточку, потому что это мой подарок.

– Это всё? – спросил король.

– Что за нетерпение, сэр! – строго выговорила королю Великая фея Синемора. – Не встревайте, дайте другим договорить. Вечно вы, взрослые, стараетесь перебить.

Король снова потупился и сказал, что никогда больше не будет перебивать.

– Впредь ведите себя как следует, – сказала Великая фея Синемора, – и так не поступайте. Передайте принцессе Алисии мой сердечный привет и скажите, что это волшебный подарок, которым можно пользоваться только один раз; эта косточка принесёт ей всё, чего бы она ни пожелала, ЕСЛИ ТОЛЬКО СВОЕВРЕМЕННО О ТОМ ПОПРОСИТЬ. Вот такое у меня к вам поручение. Исполните его в точности.

Король начал было:

– Разрешите спросить, по какой причине?..

Но тут фея разозлилась до невозможности.

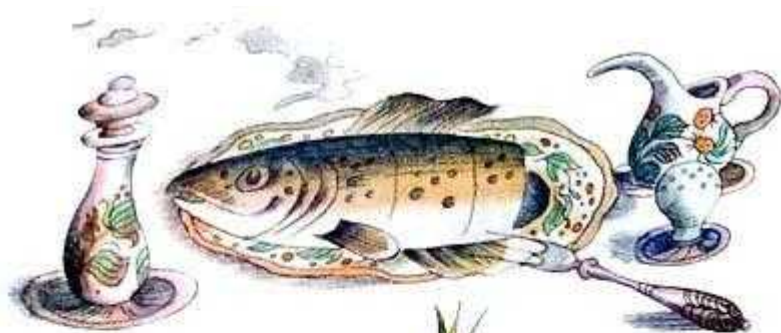
– Вы будете или не будете вести себя как следует, сэр! – воскликнула она и топнула ногой. – По такой причине, по сякой причине, всё вам нужны причины! По никакой причине! Тоже мне причины! Мне вот так надоели эти ваши взрослые причины!

Короля до крайности испугал такой порыв ярости пожилой дамы, и он сказал, что сожалеет об этих словах, обидевших её, и никогда больше не будет спрашивать о причинах.

– Впредь ведите себя как следует, – сказала пожилая дама, – и так не поступайте.

С этими словами Великая фея Синемора исчезла, а король пошёл, и шёл, и шёл, пока не пришёл в правление. Там он писал, и писал, и писал, пока не настало время идти домой. Дома он учтиво пригласил принцессу Алисию отведать сёмги, как приказано было феей. И когда принцесса с удовольствием отведала сёмги, он увидел на принцессиной тарелке косточку, как и должно было быть по словам феи. И тогда он передал

принцессе Алисии всё, что сказала фея, и принцесса стала сушить, чистить и тереть косточку, пока та не заблестела, как перламутр.

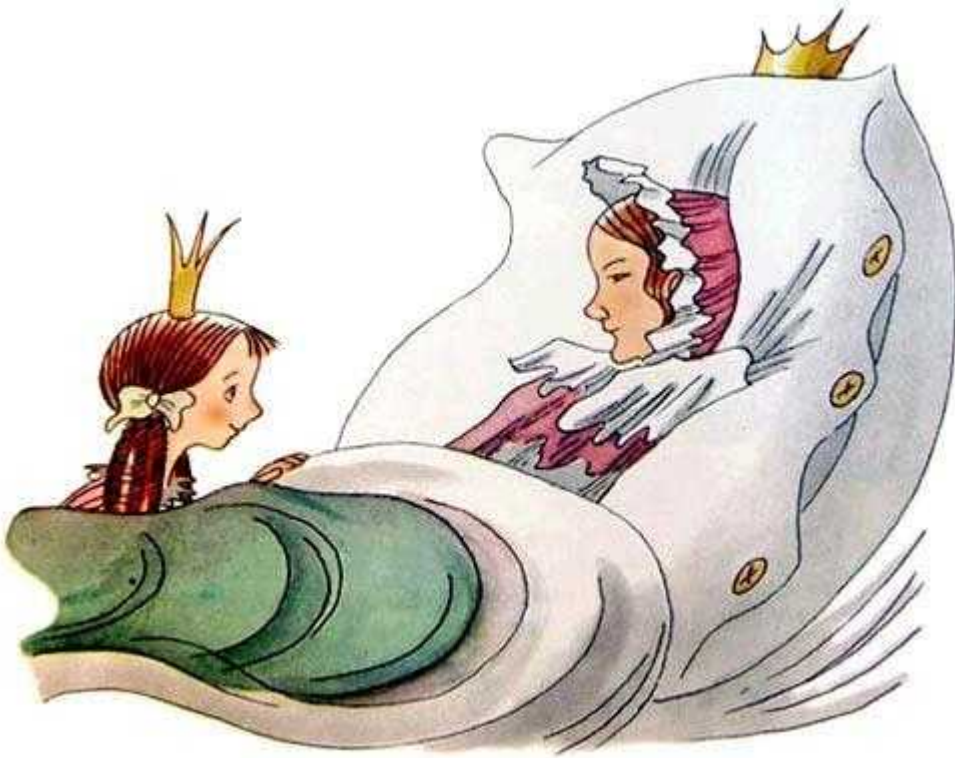

И вот однажды утром, когда королева собиралась встать с постели, она вскрикнула: «Боже мой, боже мой! У меня кружится голова!» – и упала без чувств

Принцесса Алисия, которая случайно оказалась у двери спальни, чтобы спросить насчёт завтрака, очень-очень встревожилась, когда увидела свою королеву-матушку в таком состоянии, и вызвала колокольчиком Пегги. (Так звали их лорда-постельничего.) Но помня, где стоит бутылочка с нюхательной солью, она влезла на стул и достала бутылочку; а потом она влезла на другой стул, возле кровати, и поднесла бутылочку к носу королевы; а потом она спрыгнула и принесла воды; а потом она снова влезла на стул и смочила королеве лоб, и, короче, когда вошёл лорд-постельничий, этой славной пожилой женщине оставалось только сказать принцессе-доченьке:

Какая ты проворная! Я и сама быстрее не справилась бы.

Но на этом опасность не миновала, о нет! Добрая королева и вправду очень и надолго заболела.

Принцесса Алисия следила, чтобы семнадцать других принцев-принцессочек не ссорились; она их одевала, она их раздевала, она играла с малышом, и кипятила кастрюлю, и грела суп, и чистила плиту, и вовремя наливала лекарство, и ухаживала за королевой, и делала всё, что только могла, и хлопотала, хлопотала, хлопотала так, что из сил можно выбиться, потому что у них во дворце слуг было мало из-за того, что, во-первых, король был небогатый, и, во-вторых, прибавки у них в правлении всё не предвиделось и не предвиделось, и, в-третьих, до дня полочки было ещё так далеко, что этот день еле-еле можно было разглядеть отсюда, как малюсенькую звёздочку на небе.

Ну а где же была волшебная косточка в то утро, когда королева упала без чувств? Конечно же, в кармашке у принцессы Алисии. Она уже почти вынула косточку из кармашка, чтобы привести королеву в чувство, но положила косточку на место и стала искать бутылочку с нюхательной солью.

Но когда королева в то утро пришла в себя и задремала, принцесса Алисия бегом побежала наверх, чтобы по очень большому секрету поговорить со своей самой большой подругой, которая была герцогиней, только никто, кроме принцессы, об

этом не знал.

Этот очень большой секрет был секрет волшебной косточки, про которую герцогиня хорошо знала, потому что принцесса ей всё-всё рассказывала. Принцесса встала на коленки возле кровати, на которой лежала герцогиня, парадно одетая, с широко открытыми глазами, и прошептала ей свои тайные мысли. Герцогиня улыбнулась и кивнула. И не подумать бы, что герцогиня может улыбаться и кивать, а она кивала и улыбалась, только никто, кроме принцессы, об этом не знал.

А после принцесса Алисия бегом побежала обратно вниз, чтобы посидеть возле королевы. Она часто сидела возле королевы одна, но каждый вечер, пока королева болела, они сидели там вместе с королём. И каждый вечер король искоса поглядывал на принцессу, удивляясь, почему она не притрагивается к волшебной косточке и не просит её помочь. И каждый раз, когда принцесса это замечала, она бежала вверх к герцогине, опять секретничала с ней и непременно говорила при этом: «Все думают, что дети глупые и неразумные». И герцогиня, хотя у неё были самые

лучшие манеры, какие только бывают, подмигивала принцессе в ответ.

– Алисия, – сказал король однажды вечером, когда та пожелала ему спокойной ночи.

– Да, папа.

– А что с волшебной косточкой?

– Она у меня в кармашке, папа.

– А я было подумал, что ты её потеряла.

– О нет, папа.

– А не забыла ли ты о ней?

– Да нет же, папочка!

И вот как-то раз свирепый кусачий мопс из соседней парадной напал на одного крошку-принца, когда тот, возвращаясь из школы, остановился у двери.

Крошка-принц от страха совсем растерялся, попал рукой в дверное стекло и ужасно, ужасно, ужасно поранился. И когда семнадцать других принцев-принцессочек увидели, как он ужасно, ужасно, ужасно поранился, они тоже совсем растерялись от страха и разревелись так, что у всех семнадцати разом личики посинели.

Но принцесса Алисия приложила им руку к губам, всем семнадцати по очереди, и уговорила их не шуметь поблизости от больной королевы.

А после она опустила раненую руку в таз с холодной чистой водой, и все, не отрываясь, смотрели в... семнадцать умножить на два (четыре пишем, три сносим, равняется тридцати четырем) в тридцать четыре глаза! – как она проверяет, не застряли ли в руке осколки стекла, но, к счастью, они не застряли.

А после она сказала двум крошкам принцам, крепышам-топотыжкам: «Принесите мне королевский мешок с лоскутками. Мне придётся стричь, шить, отрезать и самой всё соображать». Эти два принца раскопали королевский мешок с лоскутками и притащили его. И

принцесса Алисия села на пол с большими ножницами, иголкой и ниткой, стала стричь, шить, отрезать и сама всё соображать, и сделала повязку, и наложила её, и повязка пришлась точь-в-точь впору, и, когда дело было сделано, принцесса увидела, что король, её папа, стоит в дверях и смотрит на неё.

– Алисия.

– Да, папа?

– Что ты делаешь?

– Я стригу, шью, отрезаю и сама всё соображаю, папа.

– А где твоя волшебная косточка?

– Она у меня в кармашке, папа.

– А я было подумал, уж не потеряла ли ты её?

– О нет, папа.

– А не забыла ли ты о ней?

– Да нет же, папочка!

А потом она побежала вверх к герцогине, рассказала ей про всё, что случилось, и у них снова был разговор по секрету, и герцогиня тряхнула своими льняными кудрями и засмеялась своим пухленьким ротиком.

А ещё в другой раз малыш упал с каминной полки. Семнадцать принцев-принцессочек уже привыкли падать с камина и с лестницы, потому что они давно это делали, а малыш ещё совсем не привык, и поэтому щёчка у него распухла, а под глазом сделался синяк. Он потому, бедняжка, свалился, что не был у принцессы Алисии на руках (она ведь в это время сидела на кухне у плиты в противном грязном фартучище и чистила брюкву на суп). А делала она это потому, что королевская кухарка в то утро убежала со своей единственной любовью, которая была высоченный солдат под очень большой мухой. Ну, семнадцать

принцев-принцесс, которые из-за всего плакали, и тут, конечно, расплакались-разревелись. Но принцесса Алисия (которая тоже не удержалась и немножко поплакала), собравшись с духом, велела им затихнуть и не мешать королеве выздоравливать – а та уже быстро выздоравливала – и сказала: «Помолчите-ка вы все, обезьянские шалунишки, пока я осматриваю малыша!» И вот она осмотрела малыша, и оказалось, что малыш не поломал себе ничего, и она приложила холодный утюг к его бедненькому глазу, и он заснул у неё на руках.

И тогда она сказала семнадцати принцам-принцессам: «Я боюсь спустить его с рук, ему ещё будет больно, если он вдруг проснётся. Если вы будете вести себя как следует, я разрешу вам всем быть кухарками».

Когда они услышали это, они запрыгали от радости и принялись делать себе поварские колпаки из старых газет. И вот одному она поручила солонку, ещё одному – ячневую крупу, ещё одному – зелень, ещё одному – брюкву, ещё одному – морковку, ещё одному – лук, а ещё одному – приправы, так что все они сделались кухарками и захлопотали, а она сидела посерединке в грязном грубом фартушке и нянчила малыша.

Суп мигом был готов, а тут и малыш проснулся, улыбнулся, как ангелочек, его дали подержать самой усидчивой из принцесс, а тем временем все остальные принцы-принцессы забились в самый дальний угол и оттуда смотрели, как принцесса Алисия разливает суп, потому что они боялись (они чуть что, так сразу боялись), а вдруг на них брызнет, а вдруг их ошпарит. А когда суп разлили, и от него красиво повалил пар, и так вкусно запахло едой, они захлопали в ладоши. И следом малыш захлопал в ладоши, а щёчка у него была распухшая, как будто у него зубки болят, и всем стало смешно на него смотреть, и все засмеялись.

И принцесса Алисия сказала: «Смейтесь, но ведите себя как следует. Тогда после обеда мы построим малышу загородку в уголку на полу, и пусть он там сидит и смотрит, а мы станцуем ему танец восемнадцати кухарок». Принцам-принцессам это очень понравилось, и они весь суп съели, все тарелки и блюда вымыли,

убрали со стола, отодвинули его в угол, и все, как были в своих поварских колпаках, а принцесса Алисия в душном грубом фартучище кухарки, начали танцевать танец восемнадцати кухарок перед малышом, а он, ангелочек, позабыл про свою распухшую щёчку и синяк под глазиком и гукал от радости.

И тут Алисия снова увидела короля Уоткинса Первого, своего отца, который стоял в дверях и смотрел на всё на это. И он спросил:

- Что ты делаешь, Алисия?
- Я куховарю и сама всё соображаю, папа.
- А что ещё ты делаешь, Алисия?
- Я забочусь, чтобы детям было весело, папа.
- А где твоя волшебная косточка, Алисия?

- Она у меня в кармашке, папа.
- А я думал, уж не потеряла ли ты её?
- О нет, папа.
- Или уж не забыла ли ты о ней?
- Да нет же, папочка.

Король вздохнул тяжело-тяжело, он был такой расстроенный, он так печально сел и так поставил локоть на кухонный стол и склонил голову на руку, что семнадцать принцев-принцесс тихонечко, незаметно вышли из кухни и оставили его одного с принцессой Алисией и малышом-ангелочком.

- Что случилось, папа?
- Я ужасно беден, доченька.
- У тебя совсем нет денег, папа?
- Совсем, доченька.
- И тебе никак-никак не заработать, папа?

– Никак-никак, – сказал король. – Я по-всякому пробовал и старался изо всех сил.

Услышав эти слова, принцесса Алисия притронулась к кармашку, где лежала волшебная косточка.

– Папа, – спросила она, – когда мы стараемся изо всех сил и пробуем по-всякому, значит, мы делаем всё-всё, что только можем?

– Конечно, Алисия.

– А раз мы делаем всё-всё, что только можем, а этого мало, значит, нужно, чтобы нам помогли, и СВОЕВРЕМЕННО БУДЕМ О ТОМ ПОПРОСИТЬ.

Это и был главнейший секрет волшебной косточки, о котором Алисия сама догадалась, услышав от отца, что ему сказала Великая фея Синемора. И о котором она шепталась со своей прекрасной и изысканной подругой герцогиней.

И она вынула из кармашка волшебную косточку, которую сушила, чистила и тёрла, пока та не заблестела, как перламутр, и она легонько поцеловала её и пожелала, чтобы наступил день полочки.

И он наступил тут же и сразу же, и королевская полочка прозвенела в печной трубе и рассыпалась по полу посреди кухни.

Но это было не всё, даже не наполовину всё, даже не на четверть всё, потому что тут же и сразу же следом примчалась Великая фея Синемора в карете, запряжённой четвёркой (павлинов), а на запятках стоял мальчишка из лавки мистера Пикклза, разодетый в серебро и золото, в шляпе с петушиными перьями, в пудреном нарике, в алых шелковых чулках, с тросточкой, украшенной алмазами, и надушенный. И вот он спрыгнул с запяток и на удивление учтиво (его насквозь переколдовало) подал руку Великой фее Синеморе. И та вышла из кареты в своих богатейших переливчатых шелках, благоухая сухой лавандой и обмахиваясь блистающим веером.

– Алисия, милая моя, – сказала очаровательная пожилая фея, – как поживаешь? Надеюсь, всё в порядке? Поцелуй меня.

Принцесса Алисия обняла фею, и тогда фея Синемора повернулась к королю и суховато спросила:

– Вы ведёте себя как следует?

Король ответил, что как будто бы да.

– Теперь-то, полагаю, вам понятно, по какой причине моя крестница, – спросила фея, целуя принцессу, – до сих пор не пускала в ход волшебную косточку?

Король пристыженно поклонился.

– А тогда вам это было не понятно, да? – спросила фея.

Король поклонился ещё пристыженней.

– Вы ни о чём больше не хотите спросить? – поинтересовалась фея.

Король попросил извинения и сказал, что нет.

– Вот и ведите себя впредь как следует, – сказала фея, – и

всегда-всегда будете счастливы.

Тут Синемора взмахнула веером, и вошла королева в роскошнейшем наряде, а следом вошли семнадцать принцев- принцессочек в новенькой, с иголочки, одежде, которая была им точь-в-точь впору и из которой они больше никогда не выросли, потому что там были такие сборочки, которые всегда можно распустить. А потом фея коснулась своим веером плеча принцессы Алисии, и душный грубый фартучище улетел, а принцесса явилась изящно одетая, как маленькая невеста, в веночке и серебряной фате.

А потом кухонная вешалка превратилась в большущий платяной шкаф из лучшего дерева с зеркалом в золотой раме, полный всевозможных нарядов, и все они были для Алисии, и все были точь-в-точь на неё. А потом и малыш сам пошёл ножками, щёчка и глазик у него были не только не хуже, а много лучше.

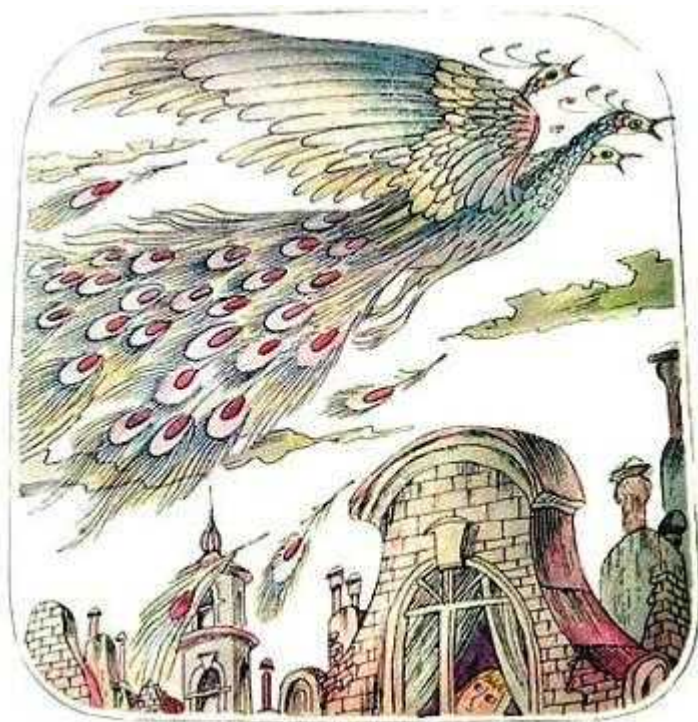

И тогда Синемора попросила, чтобы её представили герцогине, и когда принесли герцогиню, они от всей души и много раз приветствовали друг дружку.

Фея и герцогиня немножко пошептались, и фея громко сказала: «Да! Я так и думала, что она с вами этим поделится». А потом Синемора обратилась к королю и королеве и молвила: «Мы сейчас поедем, поищем принца Чрезвычайнодалеччи. Ровно через полчаса доставьте нам радость видеть вас в церкви». Она и принцесса Алисия сели рядом в карету, мальчишка из лавки мистера Пикклза посадил напротив герцогиню, убрал подножку, встал на запятки, павлины распустили хвосты, и карета взвилась в воздух.

Принц Чрезвычайнодалеччи сидел себе, грыз ячменный сахар и ждал, когда ему исполнится девяносто, и он станет взрослым. Когда он увидел, что в окно влетают павлины, а следом карета, он сразу понял, что готовится что-то необычайное.

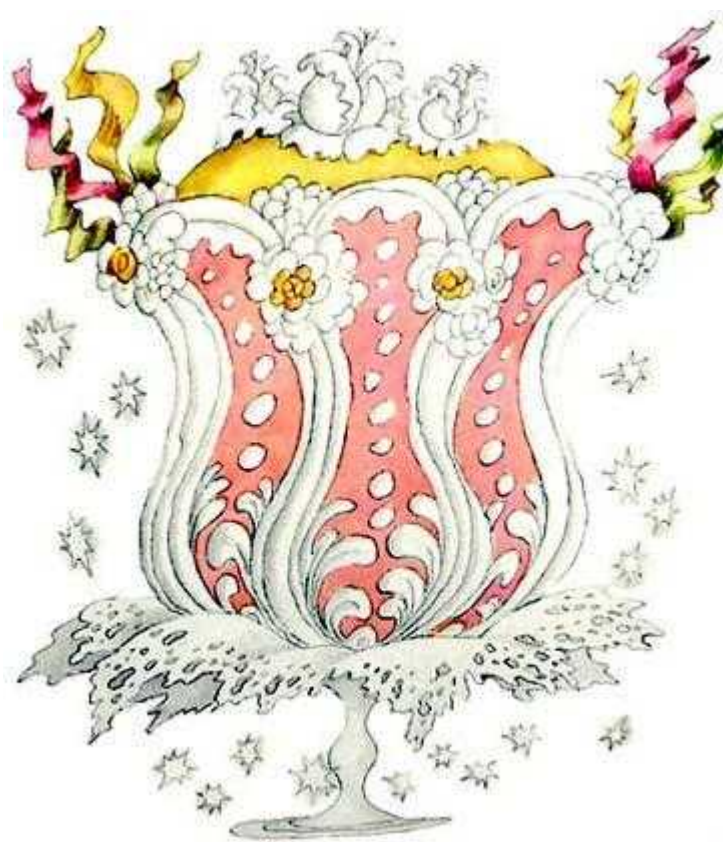

– Принц, – сказала Синемора, – я привезла вам невесту.

И только она это сказала, лицо у принца Чрезвычайнодалеччи

стало румяное, курточка и вельветовые штаны стали панбархатные, он стал кудрявый-кудрявый, а шляпа с пером прилетела, как птица, и села ему на голову. Фея пригласила его в карету, он сел рядом с герцогиней, которую и прежде знал, так что теперь они только возобновили знакомство.

В церкви уже ожидали родные и друзья принца, родные и друзья принцессы Алисии, семнадцать принцев-принцесс, малыш и целая толпа соседей. Свадьба была – ни в сказке сказать! Герцогиня была подружкой невесты и смотрела на венчание с кафедры, её там посадили, а за спину подставили подушку со скамейки.

А потом Синемора устроила свадебный пир. И чего там только не было из еды и питья! Было всё и даже ещё больше. Свадебный торт, весь разукрашенный атласными лентами, серебристыми и белыми лилиями из крема, имел в окружности сорок шагов.

Синемора подняла тост за молодых, принц Чрезвычайнодалеччи произнёс ответную речь, все кричали «гип-гип-гип-ура!», а потом Синемора объявила королю и королеве, что впредь у короля дни получки будут вдвое чаще, а в високосный год прибавятся

ещё две. А после она обратилась к принцу Чрезвычайнодалеччи и принцессе Алисии и сказала: «Дорогие мои! У вас будет тридцать пять детей, и все они будут вести себя как следует и даже примерно. Семнадцать будут мальчики, а восемнадцать – девочки. У всех у них будут натуральные локоны. Они никогда не будут болеть корью, а прививку от коклюша им сделают ещё до рождения».

И все снова закричали «гип-гип-гип-урра!», услышав такие добрые вести.

– Остаётся только, – заключила Синемора, – распорядиться насчёт косточки.

И она взяла косточку из рук принцессы Алисии, и косточка тут же влетела в глотку свирепому кусачему мопсу из соседней парадной, он подавился и сразу же испустил дух.

(Илл. Г. Ясинского)